

М.М. Громыко

К жизнеописанию праведного старца Феодора Кузьмича Сибирского (Томского): Источники исследования (окончание)

7. Свидетельства эмигрантов¹

После падения монархии, разрушения социальных устоев в условиях десятилетий жизни в эмиграции открывались в русской зарубежной среде многие скрываемые ранее обстоятельства, семейные и общественные тайны. Прежние официальные запреты и опасения не действовали, в то же время эмигранты оказались вне идеологического диктата советской власти, закрывшего прочно и надолго возможность объективного рассказа о старце Феодоре Кузьмиче. В этих условиях можно было бы ожидать, что именно в эмиграции откроется, наконец, некая тайна близкого ко двору аристократического семейства, из которого ушел Феодор Кузьмич. Но русская послереволюционная эмиграция, как и вся Россия до 1917 г., не предложила подобной разгадки прошлого старца, столь ожидаемой авторами, отрицавшими тождество его с императором Александром I.

Эмиграция устами многих и разных русских людей ответила на этот вопрос: Александр I не умер в Таганроге, а стал Феодором Кузьмичем. Это не был зарубежный вариант развития «легенды»: фиксировались свидетельства известных лиц о конкретных фактах и мнениях. Мы уже отмечали выше, что именно на этих материалах (преимущественно) построено весьма обстоятельное

современное исследование С. В. Фомина о почитании Феодора Кузьмича², что избавляет нас от необходимости подробно рассматривать данную группу источников. Отметим лишь их некоторые особенности, а также общие принципы оценки достоверности такого рода свидетельств.

Информация, зафиксированная в эмигрантских кругах, разумеется, различна по степени близости к ее первоисточнику. Но следует признать, что при большой степени опосредованности, как правило, называли всех лиц (двух-трех), через которых прошло то или иное свидетельство. В ряде случаев утверждение какого-то факта возникало в разных, не связанных между собой кругах русской послереволюционной эмиграции, что служит подтверждением достоверности. Кроме того, авторы работ по данной теме, фиксировавшие за рубежом устную или опубликованную в отдельных заметках в периодике информацию (П.Н. Крупенский, Л.Д. Любимов, М.В. Зызыкин, Евгения Ланге³, и др.), нередко получали (по запросу или стихийно) устные и письменные подтверждения фактов и суждений от тех или иных лиц, сопровождаемые иногда существенными дополнениями.

Рассмотрим способы сохранения и подтверждения сведений по вопросу о тождестве Александра I и Феодора Кузьмича в эмигрантской среде на некоторых характерных примерах.

¹ См. № 4—5 журнала «Традиции и современность», Москва, 2006. Глава из книги, подготовленной к изданию. Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований «Русская культура в мировой истории». Проект Отделения исторических и филологических наук РАН «Феномен православной святости в мировоззрении и повседневной жизни русского народа».

² Фокин С.В. Святой праведный старец Феодор Козьмич. Из истории почитания его Царским Домом и русским народом. М., 2003.

³ Крупенский П.Н. Тайна императора (Александр I и Феодор Козьмич): Историческое исследование по новейшим данным. Берлин, 1927; Любимов Л. Тайна императора Александра I. Париж, 1938; Зызыкин М.В. Тайны императора Александра I. Buenos Aires, 1952; Перепечатка в кн.: Зызыкин М.В. Царская власть в России. М., 2004. С. 187—426; Ланге Е. Александр I и Федор Кузьмич. Обзор мнений // Записки русской академической группы в США. Т. XIII. N. Y., 1980. С. 261—337.

Историку и журналисту Л.Д. Любимову в 1930-е годы, во время его работы в Париже над книгой по рассматриваемой проблеме, эмигрант В.В. Сироткин прислал из Соединенных Штатов обстоятельное сообщение. Из него следовало, в частности, особая осведомленность по этому вопросу нижегородского губернатора (в 1882—1897 гг.) генерала Н.М. Баранова, пользовавшегося доверием императора Александра III. В.В. Сироткин «во время революции, дожидаясь ареста», «подолгу засиживался у Андрея Павловича Мельникова⁴ (сына писателя), который был в свое время чиновником особых поручений при Н.М. Баранове. От А.П. Мельникова и получил В.В. Сироткин свои сведения.

Располагая этой информацией, Л.Д. Любимов обратился к сыну генерала Н.М. Баранова — ротмистру А.Н. Баранову, который внес весьма существенные уточнения и дополнения. Баранов-младший знал, что император Александр III, «будучи еще наследником, чрезвычайно интересовался тайной Федора Кузьмича». В связи с этим была образована секретная комиссия в составе К.П. Победоносцева, генерал-адъютанта Черевина⁵ и генерала Н.М. Баранова. По мнению Баранова-младшего, последний доклад этой комиссии проходил в присутствии великого князя Владимира Александровича в 1884 или 1885 г. Комиссия считала тождество доказанным, но К.П. Победоносцев возражал против публикации этого итога. В Нижний Новгород были доставлены и хранились у генерала Баранова секретные документы. Н.М. Баранов «говорил своему сыну, что превращение Александра I в сибирского отшельника доказано». А.Н. Баранов ссылался также на воспоминания отца (умершего в 1901 г.), переданные редактору «Исторического вестника» генералу С.Н. Шубинскому с разрешением напечатать их лишь через 50 лет после своей смерти⁶.

Через 50 лет после смерти генерала не было ни «Исторического вестника», ни какой-либо возможности опубликовать в Советской России воспоминания Баранова. В эмиграции же в 1950 г. снова, но из другого источника возникла тема особой информированности Н.М. Баранова и существования бумаг, подтверждающих тождество Феодора Кузьмича и императора Александра I. Василий Николаевич Зверев, член IV Государственной

Портрет вел. кн. Ольги Александровны (по изд.: Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия» Вебдизайнер Г. Пунтусова)

Думы, писал о контактах своего деда — Василия Александровича Хотяинцева — с нижегородским губернатором Н.М. Барановым. Хотяинцев был мировым посредником и директором Дворянского банка, и его друг — генерал Н.М. Баранов приезжал погостить в его имение. Там внук и слышал мальчиком рассказ Баранова о приезде к нему Хромова (или зятя С.Ф. Хромова — И.Г. Чистякова?) с пакетом, оставленным самим старцем Феодором Кузьмичем для передачи государю. Генерал пакет вскрыл (в чем потом винулся перед сибиряком и императором Александром III) и убедился в том, что Александр I и Феодор Кузьмич — одно лицо. «Отец мой Николай Андреевич, — писал В.Н. Зверев, — мне подтвердил верность моих воспоминаний об этом разговоре, при котором он тоже присутствовал» (Н.А. Зверев был профессором государственного права, ректором Московского университета и членом Государственного совета). «С той поры в нашей семье не было сомнений в идентичности

⁴ Мельников Андрей Павлович (1855—1930) — археограф, художник, автор статей и воспоминаний.

⁵ У Л. Д. Любимова инициалы Черевина отсутствуют. По-видимому, речь идет о генерал-лейтенанте Петре Андреевиче Червине (1837—1896). В 1880—1883 годах он был товарищем министра внутренних дел.

⁶ Любимов Л. Д. Указ. соч. С. 187—188.

Тихон Николаевич Куликовский-Романов с супругой Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой. Фото.

Александра I с Федором Кузьмичем». Все это и другие подробности В.Н. Зверев сообщал 2 ноября 1950 г. в письме проф. М.В. Зызыкину — теперь он собирал материалы для своей книги об Александре I⁷.

Передача устной информации из поколения в поколение с письменной фиксацией ее на разных этапах и публикацией другими лицами — черты, присущие эмигрантской группе источников. При этом возникают неясности и противоречия, но существо дела, как правило, подтверждается новыми сведениями. Известия русской эмиграции относятся почти исключительно к проблеме тождества св. Феодора Кузьмича и императора: передаются как фактические данные, так и мнения.

В этом отношении особенно ценны свидетельства членов царской семьи. Так, великая княжна Ольга Александровна — дочь императора Александра III и родная сестра святого царя-мученика Николая II — на обращенные к ней по этому поводу вопросы отвечала: она не сомневается в том, что Александр I и Феодор Кузьмич — одно и то же лицо⁸. Ее сын — Тихон Николаевич Куликовский-Романов — утверждал со слов матери, что так думал и его дед — Александр III. Причем Тихон Николаевич сообщил это современному российскому автору — Виктору Николаевичу Тростникову, встречавшемуся с ним в Сан-Франциско. «В 1990 г., — пишет В.Н. Тростников, — в Сан-Франциско я познакомился с сыном младшей сестры Николая Второго Ольги Александровны Тихоном Николаевичем Куликовским-Романовым. В течение двух недель мы встречались почти ежедневно и порядком сблизились. Перед отъездом я прямо спросил его о Феодоре Кузьмиче, и он ответил, что это был Александр Первый. Это сказала ему мать, а ей — ее отец, Александр Третий»⁹.

Л.Д. Любимов получил непосредственно от внука великого князя Михаила Павловича — герцога Мекленбургского

Михаила Георгиевича ответ: «вряд ли можно сомневаться, что „легенда о Федоре Кузьмиче“ есть быль». Герцог полагал, что «тайна Феодора Кузьмича была известна Императору Николаю I и крайне ограниченному числу лиц, которые обязались Императору никогда ее не открывать. Император Николай Павлович посвятил в эту тайну Своего Наследника, указав, вероятно, срок (сто лет или больше), в течение коего тайна сия должна была храниться...»¹⁰.

Трагические обстоятельства революции и гражданской войны определяли сложные пути трансформации письменной информации в устную и наоборот. Такие переходы претерпели, например, материалы по проблеме тождества импера-

⁷ Зызыкин М.В. Указ. соч. С. 412—413.

⁸ Любимов Л.Д. Указ. соч. С. 197; Фомин С.В. Указ. соч. С. 52.

⁹ Тростников В.Н. Покаяние или миф? // Русский дом. 2002. № 3. С. 27.

¹⁰ Любимов Л.Д. Указ. соч. С. 213.

тора и старца, собранные генерал-адъютантом и управляющим конторы Двора великого князя Николая Николаевича (Младшего) — Игнатием Ивановичем Балинским. Он был сыном Ивана Михайловича Балинского, главного врача психиатрической клиники в Петербурге, основанной на свои средства личным врачом Александра I, одним из главных участников таганрогских событий — Я.В. Виллие. Рассказы отца способствовали интересу генерала к событиям жизни императора после Таганрога, и он собирал по крупицам информацию об этом многие годы. Скорее всего, И.И. Балинский имел сведения и от великого князя Николая Николаевича (Младшего), отец которого посетил святого Феодора Кузьмича в Сибири в 1863 г. В результате им была подготовлена рукопись, и генерал уже искал издателя, когда большевики сожгли ее вместе с другими вещами великого князя и его свиты¹¹.

Осенью 1919 г. в Симферополе с И.И. Балинским встречалась (в доме таврического губернатора Н.А. Татищева) Александра Сергеевна Дубасова (сестра министра внутренних дел Д.С. Сипягина и супруга генерал-адъютанта адмирала Ф.В. Дубасова), выслушавшая от него сообщения о его изысканиях. Позднее, узнав о гибели генерала И.И. Балинского, А.С. Дубасова сочла своим долгом опубликовать в 1926 г. эту информацию. Это были сведения о секретном вскрытии гробницы Александра I и удалении из нее останков неизвестного лица при Александре II, а также некоторые косвенные данные в пользу гипотезы о выезде Александра Благословенного из Таганрога на английской яхте в Святую Землю¹².

Из других источников выясняется, что еще в сентябре 1912 г. И.И. Балинский имел обстоятельный разговор на эту тему с историком бароном Николаем Николаевичем Врангелем, который тогда же, по его словам, записал все услышанное и сохранил в своем архиве с надписью на конверте, разрешающей вскрыть его лишь после окончания царствования императора Николая II и кончины великого князя Николая Михайловича (что и было сделано архивистами)¹³. К сожалению,

текст Н.Н. Врангеля, сильно отличающийся от сообщения А.С. Дубасовой, включает фантастические предположения (например, о том, что Александр I отправился после Таганрога в Индию, «влекомый своими мистическими идеями»), авторство которых, возможно, принадлежит самому Врангелю, а не генералу И.И. Балинскому (так как у Дубасовой их нет).

Наибольший интерес из сообщенных И.И. Балинским А.С. Дубасовой фактов представляет известие о встрече «загадочного путешественника», в котором Балинский предполагал Александра I, с бароном Д.Е. Остен-Сакеном (через несколько лет после таганрогских событий)¹⁴. Этот факт подтверждается другим источником — сообщением внука Д.Е. Остен-Сакена, графа Н.В. Остен-Сакена¹⁵.

Эмигрантские свидетельства почти ничего не прибавили к жизнеописанию старца. Отдаленность, оторванность от родной почвы, незнание сибирских источников порождали фантастические предположения о сроках «бродяжничества» и путаницу в сведениях о сибирском периоде жития Феодора Кузьмича. Более того, некоторые авторы, немало потрудившиеся над созданием сводок эмигрантской информации по проблеме «Александр I — Феодор Кузьмич», не поняли самой сути подвижничества старца и религиозности его окружения и говорили об этом на языке грубых материалистических оценок. Так, Л.Д. Любимов, предполагал поиск С.Ф. Хромовым выгоды в этом деле и писал, что Семен Феофанович «рассказывал небылицы о Феодоре Кузьмиче, стараясь доказать, что он чудотворец»¹⁶. А для Евгении Ланге, которой явно импонировал психологический «анализ» обильно цитируемого ею Л.Н. Толстого и А.И. Герцена, авторитетом в оценке достоверности ряда зарубежных сообщений служил советский историк-марксист С.Б. Окунь¹⁷. В то же время именно эмиграция дала такие обобщающие работы, в которых глубокое понимание подвига отречения Александра Благословенного и духовного смысла его дальнейшей жизни сочеталось с передачей

¹¹ Дубасова А. Новые данные о смерти Александра I // Возрождение. (Париж). 1926. 11 апр. № 313; Фомин С.В. Указ. соч. С. 19—21.

¹² Дубасова А. Указ. соч.

¹³ Рос. гос. архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2778. А.В. Фролов. Оп. 1. Д. 144. Л. 140—144. Копия: Пишкорева И.М. «В гробу лежал Длиннобородый Старец». Еще одна версия похорон императора Александра I // Источники. 1994. № 6 (13). С. 64—67. Публикация рукописи, хранящейся в Рос. гос. историческом архиве. Ф. 633. Н.Н. Врангель. Оп. 1. Д. 6.

¹⁴ Дубасова А. Указ. соч.

¹⁵ Любимов Л.Д. Указ. соч. С. 174.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ланге Е. Указ. соч. С. 276—277. 291—294.

некоторых ценнейших свидетельств потомков семейств, располагавших дополнительной информацией по изучению проблемы¹⁸.

Отмечая вполне понятную слабость эмигрантской информации о сибирском периоде жития старца, следует сказать о значении этой группы источников для освещения вопроса о переписке Феодора Кузьмича. Сибирские источники четко свидетельствуют, что старец вел переписку, но скрывал это. Утаивал переписку настолько, что даже прятал любые письменные принадлежности и скрывал свой почерк¹⁹. В эмигрантской среде были зафиксированы существенные данные о том, с кем он вел переписку. Так, о переписке Феодора Кузьмича с графом Дмитрием Ерофеевичем Остен-Сакеном свидетельствовали и сын его — Н.Д. Остен-Сакен (посол России в Берлине в 1895—1912 гг.), и внук — граф Н.В. Остен-Сакен. Последний сообщил Л.Д. Любимову, что дед его «отвез шкатулку с документами о Феодоре Кузьмиче и передал ее Александру II»²⁰. Имелись и другие версии об исчезновении писем Феодора Кузьмича к Дмитрию Ерофеевичу²¹. Заметим в этой связи, что свидетельства эмигрантов нередко указывают на письменные источники, утраченные в ходе разрушительных событий (разорение имений, конфискация имущества арестованных) либо в результате «чистки» фондов при формировании архивов и дальнейшей деятельности их в советское время. Возможно, некоторые из них еще будут найдены. В любом случае, это обстоятельство увеличивает значение эмигрантских сообщений.

В изданных в Париже воспоминаниях А.В. Болотова — пермского губернатора, ставшего в эмиграции монахом, — рассказано, что специальная комиссия, занимавшаяся материалами о Феодоре Кузьмиче, установила факт, что Император Николай I был в постоянной зашифрованной переписке со старцем. А.В. Болотов сообщал это со слов Г.Л. Милорадовича, входившего в комиссию от Министерства иностранных дел²². Этот факт был подтвержден проф. И.А. Стратоновым, утверждавшим, что проф.

Тураев вместе с другим коллегой накануне революции занимались расшифровкой этой переписки, хранившейся в архиве Главного штаба. Работа их была прервана в начальной стадии революционными событиями²³.

Таковы сильные и слабые стороны этой группы источников.

8. Официальные документы

Мы имеем в виду документы официального делопроизводства, имеющие отношение к св. праведному Феодору Кузьмичу. Старец не был монахом, поэтому, в отличие от некоторых других святых XIX в., его жизнеописание не может уточняться за счет монастырских бумаг. Но как ссыльнопоселенец он «проходил» в материалах делопроизводства разных инстанций. К сожалению, исследователи еще очень мало обращались по данной теме к фондам местных архивов, в которых должны, соответственно их функциям, отложиться такие материалы.

Значение этих документов определяется высоким духовным смыслом великого подвига отречения, нашедшего некоторое внешнее отражение в официальных материалах. Начатый в Таганроге подвиг отречения переходит в 1836 г. на новый уровень. Годы «бродяжничества» — тайная жизнь, когда приходится скрываться. В Красноуфимске — выход к легальному существованию в новом образе «родства не помнящего» ссыльного поселенца, претерпевшего телесное наказание за бродяжничество. Одновременно это и выход к отшельнической жизни и несению подвига старчества.

С.В. Хромов, излагая «краткое описание последней жизни в Сибири великого Старца Феодора Козмича» для К.П. Победоносцева, в вопросе о суде над ним в Красноуфимске и сроках прибытия на поселение в 43-й партии ссылался на справку в Томском губернском правлении экспедиции о ссыльных²⁴. На справку в экспедиции о ссыльных в г. Томске ссылается и М.Ф. Мельницкий по этим вопросам²⁵. Но непосредственно материа-

¹⁸ Крупенский П.Н. Указ. соч.; Зызыкин М.В. Указ. соч.

¹⁹ Мельницкий М.Ф. Старец Федор Кузьмич в 1836—1864 г. // Русская старина. 1892. Январь. С. 89; Таинственный старец Феодор Козмич в Сибири и император Александр I / Составлено Томским кружком почитателей старца Феодора Козмича. Харьков, 1912. С. 47—48.

²⁰ Любимов Л.Д. Указ. соч. С. 185. Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 274.

²¹ Фомин С.В. Указ. соч. С. 76—77.

²² Болотов А.В. Святые и грешники. Париж, 1924. С. 350.

²³ Любимов Л.Д. Указ. соч. С. 182.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 487. Скалин Алексей Дмитриевич. Оп. 1. Л. 137. Л. 8.

²⁵ Мельницкий М.Ф. Указ. соч. С. 82.

лы дела Феодора Кузьмича в Красноуфимском уездном суде и в канцелярии пермского губернатора (куда решение было направлено на утверждение), насколько нам известно, не рассматривались исследователями²⁶. Между тем поиск в Государственном архиве Пермской обл. — в фондах Красноуфимского уездного суда и канцелярии пермского губернатора (дела за сентябрь—октябрь 1836 г.) — может пролить свет на какие-то обстоятельства следствия и утверждения решения, не нашедшие отражения в более поздних документах, в которых изложен конечный результат.

Следующее после Красноуфимска место по пути движения ссыльного, где возникали официальные документы о нем, — г. Тюмень. Там приказ о ссыльных производил распределение их в разные населенные пункты. Подробную сводку сохранявшихся в архиве тюменского приказа о ссыльных документов о Феодоре Кузьмиче выдал в печать в 1895 г. управляющий этим приказом — Р. Кузовников²⁷. Он реагировал на статьи о старце, помещенные в «Русской старине» в 1887, 1891—1892 годах, а в мае 1895 г. — в «Историческом вестнике». Официальная должность Р. Кузовникова придает особенный вес этой публикации. В архиве возглавляемого им Тюменского приказа о ссыльных за 1836 г. оказались: 1. Решение Красноуфимского Пермской губернии уездного суда от 10 сентября 1836 г. о «бродяге Федоре Козьмине Козьмине же»; 2. Предварительное уведомление красноуфимского городничего от 13 октября 1836 года за № 1212 о высылке его в Сибирь; 3. Статейный список на этого ссыльного.

Р. Кузовников не публикует эти документы дословно, а пересказывает содержание их, убирая неизбежные в таких случаях повторения, переходящие из одной бумаги в другую. В этом объединенном изложении содержания трех тюменских документов заметна неувязка в сроках и некоторых обстоятельствах основных событий в Красноуфимске. 4 сентября 1836 г. в Кленовской вол. (Красноуфимский у.) был задержан «проезжавший на лошади, запряжен-

ной в телегу, неизвестный человек, который при допросе в Красноуфимском земском (курсив мой — М.Г.) суде показал, что он — Федор Козьмин сын Козьмин же, 70-ти лет, неграмотен, исповедания греко-российского, холост, не помнящий своего родопроисхождения с младенчества своего, пропитывался у разных людей, напоследок вознамерился отправиться в Сибирь, но дорогой, в Кленовской волости крестьянами был задержан»²⁸. Решение Красноуфимского уездного суда состоялось 10 сентября. Следовательно, между арестом и вынесением приговора прошло всего пять дней, которые включают разбирательство и земского, и уездного судов!²⁹ После такой необыкновенной оперативности судебных органов в деле наступает непонятная пауза: приговор «был объявлен бродяге Федору Козьмину» в присутствии уездного суда лишь 3 октября. Обвиняемый «приговором остался доволен и доверил за себя подписаться мещанину Григорию Шпыневу». Затем решение было направлено на утверждение пермскому губернатору³⁰.

Некоторое несоответствие обнаруживается и при сопоставлении тюменских документов с данными Томской экспедиции о ссыльных, которые приводятся у М.Ф. Мельницкого. Здесь задержанный осенью 1836 г. под Красноуфимском мужчина лет 60 (а не 70) просил подковать «бывшую под ним верховую лошадь» (вместо лошади с телегой — в тюменских бумагах). Черный крестьянский кафтан не соответствовал манерам приезжего. Подчеркивается, что задержан он был без всякого сопротивления с его стороны³¹.

Объяснение этим несоответствиям находим в записанных в 1882 г. показаниях крестьянки Феклы Степановны Коробейниковой, духовной дочери Феодора Кузьмича³². Она рассказывала то, что слышала от самого старца. Коробейникова не называла города, в котором это произошло (либо забыла, либо Федор Кузьмич его не назвал), но из контекста явствует, что речь идет о событиях, непосредственно предшествовавших ссылке в Сибирь на поселение. Задержанному путнику, не желавшему назвать себя, но явно не простого происхождения, было предложено быть

²⁶ Красноуфимский у. входил в состав Пермской губ.

²⁷ Кузовников Р. Кто был старец Федор Козьмич // Исторический вестн. 1895. № 7. С. 245—246.

²⁸ Там же. С. 245.

²⁹ Так, по поводу внешности сказано: «По двукратному свидетельству бродяги Федора Козьмина, произведенному в Красноуфимском земском и уездном судах...» // Там же.

³⁰ Там же. С. 246.

³¹ Мельницкий М.Ф. Указ. соч. С. 81.

³² См.: Традиции и современность. 2006. № 4. В данном номере журнала этот источник — «Сведения» — публикуется полностью.

выпущенным на поруки, на что он не согласился. Старец просил присланное высокое лицо, (Фекла Степановна называла при этом великого князя Михаила Павловича), «чтобы обсудить его в Сибирь на поселение «за Федора Козмича», требование старца Феодора было исполнено ...»³³. Ф.С. Коробейникова объяснила и причину отказа старца от выхода на свободу по поручительству: благословение митрополита Филарета на скрятие «родопроисхождения» и принятие образа «скитающегося пустытника»³⁴.

Соединение далее в одном лице зафиксированных в земском суде данных о неграмотном 70-летнем бродяге Федоре Козьмине, сыне Козьмине, имевшем запряженную в телегу лошадь, и сведений о 60-летнем всаднике, имевшем аристократические манеры, который просил, пользуясь высокой поддержкой, отправить его в Сибирь вместо Феодора Кузьмича, и привело к определенным несоответствиям в документах. А что же настоящий бродяга? Возможно, он либо умер (что и дало возможность отправить в ссылку за него другого человека), либо был выпущен на свободу.

В фонде историка Александра Степановича Пругавина (1850—1921) сохранилась копия статейного списка Феодора Кузьмича, извлеченного из бумаг Боготольского волостного правления,

т.е. уже непосредственно того места, к которому старец был прикреплен как ссыльнопоселенец. А.С. Пругавина интересовала личность Феодора Кузьмича и, по-видимому, по его просьбе провизор боготольской аптеки списал эту копию³⁵. Копия эта имеет название: «Постатейный список бродяги Феодора Кузьмича, списанный с Алфавита Боготольского Волостного правления о ссыльно поселенцах по 9 ревизии, часть вторая»³⁶. Девятая ревизия проходила в Томской губ. в 1850 г. Следовательно, так выглядел в это время официальный волостной документ на старца Феодора Кузьмича. Приводим его полностью (См. таблицу № 1).

6 марта 1836 г. в графе «Срок поступления», по-видимому, — плод недоразумения, связанного с тем, что старец причислен и отправлен был в Боготольскую вол. по алфавиту 1836 г. (как указано в соседней графе). Из Тюмени он был отправлен в Томскую губ., как видно из документов, представленных Р. Кузовниковым, 11 декабря 1836 года в 43-й партии ссыльных.³⁷ Прибытие же непосредственно в Боготольскую вол.³⁸ датируется, по справке экспедиции о ссыльных в г. Томске, 26 марта 1837 г.³⁹. Этой дате можно доверять, потому что она написана и самим старцем Феодором Кузьмичем на обороте

Таблица № 1

№	Прозвание и имена	Лета	Прежнее состояние, вина и наказание	Приметы	Назначение	Срок поступления	Переход	Семейство	Вера
151	Кузьмичъ (Козминъ) Федоръ. Село Краснореченское. Девятая ревизия. № 23. О неспособных.	65	Из бродяг. Бродяжество и сокрытие местожительства своего. По решению Красноуфимского уездного суда наказан плетью 20 ю ударами. Ссылается в Сибирь на поселение.	Лицом чист. Глаза серые, нос посредственный, волосы седые. Росту 2 арш. 6 $\frac{3}{4}$ верш.	В неспособные	6 го марта 1836 года	Причислен и отправлен в Боготольскую волость по алфавиту 1836 года № 150.	Нет	Православный

³³ Рукоп. отд. Рос. гос. библиотеки (далее РО РГБ). Ф. 23. Белокуров. Картон 8. Л. 1а. Л. 6—6 об.

³⁴ Там же.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2167. А. С. Пругавин. Оп. 1. Д. 168. Л. 1. На листе — штамп: «Аптека провизора И. В. Гарбера. Боготол». И запись: «Подписью своей удостоверяю, что списал с подлинника провизор Гарбер Иоанн Владимирович». Подпись — Гарбер. «Ст. Боготол, Сибирской ж. Д. (Томской губернии, Мариинского уезда)».

³⁶ Там же.

³⁷ Кузовников Р. Указ. соч. С. 246.

³⁸ На р. Чулым (восточный приток Оби), между гг. Мариинском и Ачинском.

Мельницкий М.Ф. Указ. соч. С. 82.

оставшейся после него зашифрованной записки; при этом указан и номер партии: «1837—Г Мар 26-го в вол 43-й, пар...»⁴⁰.

Особое место среди официальных документов занимает недавно опубликованный В.И. Фёдоровым протокол ответов С.Ф. Хромова томскому полицмейстеру 4 сентября 1882 г.⁴¹. Ответы были даны в ходе «предварительного дознания относительно личности, проживавшей у купца Семена Хромова». Дознание возникло в силу предписания томского губернатора от 16 июля 1882 г. Как видно из этих дат, посмертно, в начале 1880-х годов возник новый комплекс официальных документов о старце Феодоре Кузьмиче.

Что послужило поводом для дознания? Было ли на этот счет указание свыше или это лишь инициатива губернатора, обеспокоенного слухами и действиями почитателей?

К сожалению, в публикации В.И. Фёдорова не говорится, в каком окружении найден протокол ответов Хромова. Тем не менее сам «Протокол» представляет собой ценный источник, так как несмотря на явную осторожность ответов Семена Феофановича, он содержит ряд сведений, подтверждающих или уточняющих данные других видов источников (о подвижнической жизни старца, его даре прозорливости и соответствующей репутации, об именах посещавших его иерархов, посмертном почитании и др.).

Как видно из изложенного, официальные документы, как и другие виды источников, нуждаются в сопоставлении с материалами другого рода. В отношении пребывания старца в партии ссыльных ценные подробности были собраны М.Ф. Мельницким и епископом Петром (Екатериновским) от очевидцев и тех, кому довелось слышать очевидцев. Дело в том, что некоторые ссыльные из той же партии распределены были в ближние селения. На основании такого рода информации епископ Петр писал: «Замечательно, что, когда вели его с прочими арестантами по этапам, арестанты, конвойные солдаты и этапные офицеры оказывали ему особенное уважение, охраняли от неприятностей, от негодных людей, на ночлег отводили ему особую комнатку, и старец во всю дорогу ни в чем не нуждался. По

распоряжению экспедиции о ссыльных, старец сначала поселился в деревне Зерцалах⁴² Томской губернии, на границе с Енисейской губернией, на Московском тракте. Тогда ему было под 60 лет»⁴³.

«Говорят, — писал М.Ф. Мельницкий, — что необыкновенно симпатичная наружность этого человека, добродушное выражение лица его, изящные манеры, умение говорить и прочее, обнаруживая в нем хорошее воспитание и как бы знатное происхождение, вызвали общее сочувствие и сострадание; были употреблены все меры уговорить его открыть свое настоящее звание и происхождение, но все убеждения и гуманные попытки в этом отношении оказались тщетными, и неизвестный упорно продолжал называть себя бродягою». И далее: «Во время этого длинного следования этапным порядком по сибирским дорогам. Феодор Кузьмич своим поведением, услужливою заботливостью о слабых и больных арестантах, теплыми беседами и утешениями расположил к себе всю партию...»⁴⁴.

Несмотря на формальный, заведомо поверхностный стиль освещения событий в официальных документах, позволяющих дать более углубленную характеристику ситуации и поведения лишь в сочетании с материалами другого типа, представляется целесообразным продолжение поиска в архивах Томска и Красноярска. Это относится не только к самому старцу, но и к его окружению, как к мирским, так и к духовным лицам. В частности, относительно духовенства, общавшегося с Феодором Кузьмичом, хотелось бы привлечь внимание исследователей к материалам Томской духовной консистории (Государственный архив Томской обл., ф. 170 и Государственный архив Красноярского края, ф. 673), а также Енисейской духовной консистории в Красноярске (ф. 674).

9. Косвенные источники

Косвенными мы называем источники, не имеющие прямого отношения к старцу Феодору Кузьмичу, но опосредованно проясняющие то или иное обстоятельство или утверждение. В силу особенностей жития этого святого круг

⁴⁰ Копии оставшихся после Феодора Кузьмича записок входят в число документов, переданных С.Ф. Хромовым Галкину-Враскому в Иркутске в феврале 1882 г. — РГАЛИ. Ф. 487. Скалдин А. Д. Оп. 1. Д. 137. Л. 14. Записки старца, которые Хромов передавал и другим лицам, неоднократно публиковались, делались и попытки их расшифровки. Запись на обороте одной из записок с рассматриваемой нами датой и номером партии не зашифрована.

⁴¹ Фёдоров В.И. Александр Благословенный — святой старец Феодор Томский (монарх-монах). Томск, 2004. С. 171—173.

⁴² Деревня Зерцала, как мы уже указывали, входила в Боготольскую вол.

⁴³ Епископ Петр. Сибирский старец Феодор Кузьмич. 1837—1864 гг. // Русская старина. 1891. Октябрь. С. 233.

⁴⁴ Мельницкий М.Ф. Указ. соч. С. 82.

таких побочных материалов, к которым возникает необходимость обращаться, очень широк. Мы не даем здесь характеристик таких источников, поскольку по прямому своему назначению они не относятся к нашей теме. Назовем лишь в общей форме виды их и наметим на конкретных примерах некоторые подходы к их использованию по данной проблеме.

Это прежде всего документы царской семьи и ее окружения — письма, дневники, маршруты и журналы путешествий, описи предметов, сохранившихся в семье, и другие материалы. Сюда же следует отнести переписку духовных лиц и описания некоторых монастырей. В таком вопросе, например, как посещение самого старца при жизни или его могилы членами императорской семьи, а также другими высокопоставленными лицами, естественно обратиться к дневникам и маршрутам путешествий, сохранившимся в архивах и опубликованным. Но секретность, сопровождавшая общение с Феодором Кузьмичем, требует от исследователя осторожности в отрицательных выводах. Посещение, которое не упоминается в официальных сообщениях, может быть выявлено из частной переписки или устной традиции. Выше мы уже касались вопроса о возможности тайных поездок, не фиксировавшихся в разработанных предварительно маршрутах и отчетных «журналах путешествий» в связи с великим князем Михаилом Павловичем⁴⁵. С подобным же явлением мы соприкоснулись и в связи с путешествием по России цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II) в 1837 г.

Наследник в сопровождении свиты выехал 7 мая 1837 г. из Санкт-Петербурга в Новгород — так началось это путешествие, включавшее поездку в Сибирь. В «Журнале путешествия Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича по России в 1837 году» отмечено присутствие его в Новгороде на молебне в Софийском соборе и лишь упоминается о посещении им новгородского Юрьева монастыря⁴⁶. В частной переписке настоятеля этого

монастыря архимандрита Фотия (Спасского) с графиней А. А. Орловой-Чесменской⁴⁷ читаем, что наследник был в обители 3 мая. Архимандрит хвалит Александра Николаевича; пишет, что Бог дает ему (наследнику) благодать. Отмечает его «ангелоподобное обращение и благонравие, и смирение». Сообщая подробности ожидания и приема цесаревича, о. Фотий обещает продолжить этот рассказ, когда отдохнет: «после напишу, что можно»⁴⁸. Значит, не все можно было рассказать о беседе с наследником даже в частном письме... Входящий в состав свиты В. А. Жуковский прислал сказать, что цесаревич весьма доволен посещением монастыря⁴⁹.

Итак, в самом начале ответственного и длительного путешествия по России Александра Николаевича — посещение им Новгородского Юрьева монастыря и беседа с архимандритом Фотием. Напомним, что дядя наследника, Александр I, тайно посетил этот монастырь 5 июля 1825 г.⁵⁰ А другой дядя, великий князь Михаил Павлович, также тайно побывал в обители архимандрита Фотия за год до посещения Александра Николаевича — 8 мая 1836 г.⁵¹

Как относился 19-летний наследник к своему дяде — Александру I, о близости которого к архимандриту Фотию цесаревич на мог не знать? Вопрос этот связан, естественно, с оценкой реальности факта встречи цесаревича со старцем Феодором Кузьмичем в Сибири. О посещении Александром II, в бытность наследником, старца в Сибири писали в эмигрантской литературе, ссылаясь на утверждение генерал-адъютанта князя В. А. Барятинского — отца автора книги о Феодоре Кузьмиче⁵².

Ответ на вопрос об отношении цесаревича к Александру I раскрывается в «Журнале путешествия» 1837 г. В ходе поездки наследник проявил трогательное внимание к местам, связанным с Александром I. Между Глазовом и Ижевском «на станции Якшур-Бодья его Высочество изволил входить в крестьянскую избу, которую посетил Император Александр I в 1824 году приезде

⁴⁵ См. раздел «Сведения». Традиции и современность. 2006. № 4.

⁴⁶ Гос. архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 728. Коллекция документов рукописного библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Кн. 4. Д. 1774. Л. 1—106.

⁴⁷ Подробнее об этой переписке как источнике см.: Громыко М. М. Мог ли император Александр I стать праведным старцем Феодором Кузьмичем? О религиозной жизни государя в 1812—1825 годах // Традиции и современность. 2004. № 3. С. 99—100.

⁴⁸ Рос. архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1208. Новгородский Юрьев монастырь. Оп. 3. Д. 72. Л. 79—95.

⁴⁹ Там же. Л. 81—81 об.

⁵⁰ См. публикацию письма архимандрита Фотия об этом посещении // Традиции и современность. 2004. № 3. С. 99—102.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 69. Л. 57—58 об. В этой связи возникает исследовательская проблема о взаимоотношениях членов императорского дома с архимандритом Фотием (Спасским).

⁵² Фомин С. В. Указ. соч. С. 28.

своем из Вятки в Пермь и в которой в воспоминание оного находится медная доска с надписью дня посещения»⁵³. В самом Ижевске молодой путешественник побывал 22 мая в арсенале, «в котором хранится ружье, коего ствол сделан из железа, по коему Император Александр I в 1824 году изволил сделать несколько ударов молотком, во время кования, (и) тот самый молоток, коим его Величество изволил ознаменовать свое посещение, и блюдо, на котором молоток сей был поднесен»⁵⁴. В Екатеринбурге Александр Николаевич наряду со знакомством с монетным двором, гранильной фабрикой, госпиталем посетил заводское училище, «в отличном устройстве находящееся, и залу, в которой хранятся инструменты, коими в Бозе почивающий Император Александр Павлович осчастливил работы Верх-Исетского завода при посещении своем в 1824 г. во время управляющего заводом Зотова»⁵⁵. 30 мая, в воскресенье, наследник побывал в Ново-Тихвинском женском монастыре, «не представляющем ничего достопримечательного кроме нескольких вкладов, подаренных покойным Императором Александром Павловичем и императрицами Елизаветою Алексеевною и Мариею Федоровною»⁵⁶.

Следует отметить и духовное состояние цесаревича. Все посещения мест, связанных с Александром I, происходили на фоне служб в соборах и бесед с духовенством⁵⁷. Таким образом, как в начале путешествия (по характеристике архимандрита Фотия), так и в движении по Уралу и Сибири, хотя бы по внешним показателям, настроение Александра Николаевича таково, что намерение встретиться со старцем, совершающим великий подвиг покаяния, представляется вполне реальным. Однако маршрут по Западной Сибири не включает непосредственно место ссылки Феодора Кузьмича — Боготольскую вол., в которую старец прибыл 26 марта 1837 г., т. е. за два с половиной месяца до прибытия наследника в юго-восточную точку сибирской части его путешествия — Курган. Но, не будем спешить с выводами. Именно в этой, самой юго-восточной

части маршрута происходит несколько необычное явление: 6 июня наследник произвольно, как бы экспромтом, меняет намеченное по маршруту место ночлега и останавливается в слободе Черкляйской, в доме приходского священника. «Журнал путешествия» не объясняет причины этого отклонения и не называет даже имени священника. Нет и никаких подробностей о пребывании цесаревича в этой слободе или выездах из нее (на восток?). Из «Журнала» видно лишь, что Александр Николаевич после Черкляйской слободы «первую станцию (21 версту) до деревни Пихтиной ехал верхом»⁵⁸.

Императоры и наследники прекрасно владели верховой ездой, и сделать значительный экскурс в одиночестве или вдвоем с доверенным лицом, оставив где-то свиту, не было редкостью в их путешествиях. Феодор Кузьмич, в свою очередь, мог подъехать к месту встречи. Известно, например, что он выезжал из Боготольской вол. вскоре после поселения в ней на золотые прииски в Енисейскую тайгу⁵⁹.

Относительно связи для организации встречи следует иметь в виду, что наследник постоянно получал в пути почту, доставляемую курьерами. Так, 4 июня, между станциями Южаковской и Покровской (даже между станциями!), он получил письмо от фельдъегеря, прибывшего из Царского Села⁶⁰.

Еще один пример умолчаний в дневниках путешествий царственных особ. Великий князь Николай Михайлович при всем скептицизме его в вопросе о тождестве Александра I и Феодора Кузьмича не мог не упомянуть в своей работе о посещении императором Николаем II, в бытность его наследником, могилы старца в Томске⁶¹. Речь шла о «ныне благополучно царствующем государе» (по выражению самого великого князя) и такой факт не мог сообщаться в печати ошибочно. Тем более, что Николай Михайлович, как мы уже отмечали, отнюдь не был склонен подчеркивать значимость старца для императорской семьи.

Между тем в официальных описаниях пребывания в Томске наследника 5—6 июля 1891 г.

⁵³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 4. Л. 1774. Л. 31.

⁵⁴ Там же. Л. 32.

⁵⁵ Там же. Л. 45—45 об.

⁵⁶ Там же. Л. 54 об.

⁵⁷ Там же. Л. 31 об.—32. 35. 40 об.. 47—48. 54—55 и др.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 4. Л. 1774. Л. 65 об.—66.

⁵⁹ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 85.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 4. Л. 1774. Л. 64 об.—65.

⁶¹ Вел. кн. Николай Михайлович. Легенды о кончине императора Александра I в Сибири и образе старца Феодора Кузьмича. СПб, 1907. С. 9.

о посещениях томского Алексеевского монастыря и могилы старца Феодора Кузьмича не упоминается⁶². Зять С.Ф. Хромова И.Г. Чистяков сообщал в материалах Томского кружка, что именно князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший Николая Александровича и составивший описание его путешествия⁶³, рассказал ему, Чистякову, о посещении наследником поздно вечером могилы старца⁶⁴. Совершенно очевидно, что цесаревич не хотел привлекать внимание к этому своему поступку, в то время как поездка в Томский женский монастырь была отмечена во всех официальных материалах⁶⁵.

Св. старец Феодор Кузьмич, по свидетельству знавших его сибиряков, «с большим благоговением отзывался о митрополите Филарете, архимандрите Фотии и др.»⁶⁶. Поэтому в поле зрения исследователя в качестве косвенных источников попадают материалы этих духовных лиц. Мы уже обращались к переписке архимандрита Фотия. Даже в частных письмах к графине А.А. Орловой-Чесменской настоятель новгородского Юрьева монастыря проявлял очень большую осторожность в передаче информации, постоянно предполагая более подробное сообщение при встрече. Архимандрит нередко писал намеками, использовал условные обозначения для разных известных ему и графине лиц.

В переломный для Феодора Кузьмича период находим в письме о. Фотия к Анне Алексеевне от 19 января 1837 г. такой постскриптум: «P.S. Я весьма интересуюсь известием из Сибири, по этому тако буду писать к В. и делать все. Это ему искушение может быть золота более усугубися»⁶⁷. Следует сказать, что до этого Сибирь не встречается в переписке архимандрита; он не получал оттуда никаких известий и не был связан с сибиряками. Фотий настолько напряженно ждет известия из Сибири, что писать к Санкт-Петербургскому владыке Серафиму (он обозначался в этой переписке буквой «В») или делать другие дела он намерен лишь после получения этого известия. Человек, о котором ожидается извест-

ие, не обозначенный здесь даже условной буквой, претерпевает искушение. Господь посылает своим верным искушения, чтобы очистить их как золото в горниле. А то, что происходит с этим человеком, может, по мнению архимандрита, дать плод и более золота.

Письма архимандрита Фотия были переписаны и переплетены по годам. Этот постскриптум — только в автографе, хотя само письмо в тетради копий от этого года присутствует⁶⁸. Феодор Кузьмич 10 декабря 1836 г. был распределен Тюменским «приказом о ссыльных в Томскую губернию в разряд неспособных, куда и отправлен 11-ого декабря 1836 года в 43-й партии»⁶⁹. В январе 1837 г., когда писал письмо Фотий, Феодор Кузьмич был в пути. По-видимому, настоятель новгородского Юрьева монастыря имел сведения о событиях в Красноуфимске и теперь ждал известия из Сибири. О принципиальной возможности секретной переписки есть свидетельство в той же тетради: между письмами от 8 и 9 июля 1837 г. находится лист с таким текстом (автограф Фотия): «Прочти письмо, ты знаешь куда, кому: надпиши надпись — и на конце — в собственные руки... Пошли как знаешь, по какой почти и как сказано. Надписи неприметною рукою. Сама — крупнее. Положи в другой пакет, а мой — опилками запечатай, а свой — сургучем»⁷⁰.

При таком стремлении сохранить тайну могут ли косвенные источники дать что-либо, кроме намеков? Да, могут. Переписка, как и журналы путешествий, дает возможность установить точные даты, последовательность сопутствующих событий. Нередко сама последовательность событий приводит к существенным выводам. Поясним эту мысль на примере 1836 г., осенью—зимой которого совершился в жизни св. старца Феодора Кузьмича переход от тайного «бродяжничества» к открытому отшельничеству под другим именем.

В показаниях Феклы Степановны Коробейниковой названы в связи с этим переходом три известных всей России лица: государь император Николай Павлович, великий князь

⁶² На это обратил внимание С.В. Фомин. См.: *Фомин С.В.* Указ. соч. С. 89—91.

⁶³ *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890—1891. Ч. 6. СПб. 1897.

⁶⁴ Тайный старец Феодор Кузьмич в Сибири и император Александр I. Составлено Томским кружком почитателей св. Феодора Кузьмича. Харьков, 1912. С. 71.

⁶⁵ *Фомин С.В.* Указ. соч. С. 90.

⁶⁶ *Мельничий М.Ф.* Указ. соч. С. 91.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Л. 72. Л. 12 об. Автограф.

⁶⁸ Там же. Л. 70. Л. 84.

⁶⁹ *Кузовников Р.* Указ. соч. С. 246.

⁷⁰ РГАДА. Там же. Л. 72. Л. 162.

Михаил Павлович и митрополит Филарет⁷¹. В письмах архимандрита Фотия, как мы уже отмечали в другой связи, нашла отражение тайная поездка великого князя Михаила Павловича в новгородский Юрьев монастырь в начале мая 1836 г. и встреча его там с настоятелем⁷². 26 мая этого года архимандрит Фотий писал графине А.А. Орловой-Чесменской о предстоящей встрече с ней в Москве⁷³. 4 июня 1836 г. митрополит Филарет пишет наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию о предстоящем приезде в лавру архимандрита Фотия и графини Орловой-Чесменской. Он просит архимандрита Антония о хорошем их приеме и сообщает о скором своем приезде в лавру.⁷⁴

Следует иметь в виду, что взаимоотношения митрополита Филарета и архимандрита Фотия складывались далеко не всегда гладко, и такая поездка в лавру не была делом обычным. Для многих в тогдашней России и потом их имена служили обозначением противоположных тенденций во взаимоотношениях государство—церковь и церковь—просвещение. Но Александру I в последние годы его правления оба этих церковных иерарха были близки и пользовались его доверием. Об отношениях Александра Благословенного с настоятелем Юрьева монастыря мы уже писали⁷⁵. Относительно доверия к свт. Филарету напомним здесь, что именно ему император оставил, уезжая в Таганрог, проект манифеста о наследовании престола (составленный Филаретом же) — о передаче власти Николаю Павловичу. «В случае кончины императора пакет надлежало вскрыть „прежде всякого другого действия“, — пишет современный исследователь этого вопроса А.Н. Сахаров, — три человека — три близких и доверенных лица императора знали о содержании манифеста: сам Филарет, князь А.Н. Голицын и А.А. Аракчеев»⁷⁶.

Итак, митрополит Филарет в июне 1836 г. принимает архимандрита Фотия и графиню. Фекла Стапановна Коробейникова сообщала, со слов Феодора Кузьмича, что он жил некоторое время у митрополита Филарета⁷⁷. Мы не нашли

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.
С портрета, находящегося в Новгородском Юрьевском монастыре.

каких-либо объяснений о причинах этого посещения лавры о. Фотием и графиней и встречи их с митрополитом ни в переписке свт. Филарета, ни в письмах архимандрита Фотия. 27 июня 1836 г. новгородский настоятель сообщал графине Орловой, что он писал митрополиту Филарету и благодарил его за любовь и прием⁷⁸. В свою очередь митрополит Филарет благодарил в июльском письме наместника по поводу прошедшего посещения лавры⁷⁹.

Участие в этой встрече графини А.А. Орловой-Чесменской, разумеется, не было случайным. Она являлась не только духовной дочерью о. Фотия, пользовавшейся его исключительным доверием. Графиня была близким другом Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны. Именно она и устраивала первые встречи архимандрита с Александром

⁷¹ РО РГБ. Ф. 23. Белокуров С. А. К. 8. Д. 1 (1 а). Л. 6—6 об. Этот источник публикуется полностью в данном номере журнала.

⁷² РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 69. Л. 57—58 об.

⁷³ Там же. Л. 61—61 об.

⁷⁴ Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1831—1867 гг. Ч. 1. 1831—1841 гг. М. 1877. С. 208.

⁷⁵ Традиции и современность. 2004. № 3. С. 59—65; 99—102.

⁷⁶ Сахаров А.Н. Александр I. М. 1998. С. 256.

⁷⁷ РО РГБ. Ф. 23. К. 8. Д. 1. Л. 6 об.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 69. Л. 71.

⁷⁹ Письма митрополита Московского Филарета... С. 209.

Благословенным. Это в ее помяннике не найдены ни император Александр Павлович, ни его супруга⁸⁰. И это еще не все. Анна Алексеевна была фрейлиной императрицы Александры Федоровны и пользовалась расположением и ее самой, и Николая I.

Так, архимандрит Фотий в очередном послании графине от 24 мая 1837 г. писал: «Радуюсь, что А. П. и А. К. милостивы к тебе»⁸¹. А. П. (Ангел Правды) и А. К. (Ангел Кротости) — условные обозначения в письмах о. Фотия правящего государя и его супруги. О том, что расположение к графине не есть субъективная оценка архимандрита, свидетельствуют, например, воспоминания дочери Николая I — великой княжны Ольги, ставшей после замужества королевой Вюртембергской. Ольга Николаевна пишет, в частности, что во время пребывания в Москве в связи с коронацией ее мать «приняла любезное приглашение графини Орловой-Чесменской на ее дачу в пригороде Москвы». Став подростком и девушкой, в течение 10 лет (до свадьбы в 1846 г.) великая княжна была близка с графиней Анной Алексеевной, и император Николай I благодарил в дни свадьбы дочери Орлову-Чесменскую за добрую опеку Ольги⁸².

Таким образом, есть основания полагать, что

в июне 1836 г. или в близкие к этому сроки Александр I получил благословение митрополита Филарета на новую ступень своего подвига. Свт. Филарет Московский был великим государственным и, скорее всего, тайно согласовал этот шаг с правящим императором.

Не исключено, что между пребыванием в Троице-Сергиевой лавре и появлением под Красноуфимском будущий Феодор Кузьмич, направлявшийся в Сибирь для новой жизни, встретился и с самим братом Николаем. Ведь путешествие по России Николая I в 1836 г. пересекалось с путем движения «бродяги» к Южному Уралу. 22—23 августа правящий император был в Симбирске⁸³, откуда прямой тракт шел на Красноуфимск, а с 26 августа по 8 сентября — в Чембаре. Старец был задержан под Красноуфимском 4 сентября.

Мы привели здесь лишь некоторые примеры использования косвенных источников в сочетании с основными материалами о св. старце Феодоре Кузьмиче. Этой группой мы заканчиваем обзор источников исследования.

Следует оговорить, что выделенные группы не охватывают все материалы по данной теме, так как некоторые из них в силу своей специфичности не укладываются в предложенную классификацию.

⁸⁰ Грузинский Ник. Вера Молчальница. СПб., 1911. С. 15.

⁸¹ РГАДА. Там же. Д. 72, л. 125—126.

⁸² Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963. С. 10.

⁸³ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 35. Л. 63—63 об.